

А.В. Головнёв
Россия, Екатеринбург
Институт истории и археологии УрО РАН
Этнокультурный потенциал Севера Евразии

Если под народом понимать самобытное и самовоспроизводящееся сообщество, то главным в его феноменологии оказывается познание не отличительных внешних признаков, а механизма самоорганизации. В этом механизме особенно значимо то, что обеспечивает коммуникацию, причем не только на уровне информации и сигналов, но и в системе ценностей, структурах иерархии и зависимости, ритмах сплоченности и разобщенности. В этничности выражается своего рода код общения/сообщества, обеспечивающий безопасность и самореализацию участников этого сообщества.

Российская идентичность представляет собой, с одной стороны, синтез национальных, этнических, государственных, религиозных, революционных, просветительских и иных идей прошлого, с другой – актуальное и постоянно обновляемое поле поиска и дискурса самопознания и самосознания. Сложная идентичность – качество высокоорганизованных сообществ, и российская идентичность, включающая локальную, региональную, этнонациональную, гражданскую и глобальную проекции, нуждается не в упрощении и огрублении до жестких формул или антитез, а в адекватном историко-антропологическом изучении с использованием новейших гуманитарных методов и междисциплинарных подходов. Самопознание полиэтноконфессионального сообщества, каковым является Россия, предполагает не только выявление сложившихся этносоциальных структур и феноменов, но и анализ динамики их становления и развития. Устойчивость и изменчивость, традиция и новация – взаимодополняющие категории исследования идентичности. Среди драйверов и механизмов формирования идентичности ключевую роль играет система коммуникации и информации, переживающая сегодня радикальные преобразования, и сама по себе представляющая объектно-предметное поле гуманитарной науки.

Мобильность, находящаяся в центре внимания антропологии движения, во все времена играла ключевую роль в организации социального пространства. Характер и средства мобильности менялись от эпохи к эпохе, и развитие коммуникационных технологий можно представить как накопление средств и сценариев контроля над социальным пространством — от физических перемещений человека к методам преодоления расстояний посредством живого и механического транспорта вплоть до современных телекоммуникаций и виртуальных сетей. Завтрашний день сулит дальнейший рост технологий коммуникаций, и наукам о человеке пора переключиться с привычных и удобных для изучения картин статики на сложные, но адекватные реальности сюжеты динамики. Один из общих алгоритмов состоит в изучении обстоятельств и драйверов изменчивости (динамики) идентичности в сочетании с условиями и механизмами ее устойчивости (стабильности). Перспективными направлениями исследования определяются: роль лидеров (элит) в динамике и статике идентичности и этничности России; взаимосвязь/трансграничность традиции и новации; идентичность и этничность в изменяющейся системе коммуникаций.

Этнокультурный потенциал Севера представляет собой накопленный, но в должной мере не изученный и не используемый ресурс самоопределения и самореализации. Пространственно самая северная страна планеты Россия обладает внушительным историческим опытом и перспективами применения северных стратегий (в том числе этнокультурных). Концептуализация северности России на основе исторических, этнографических, археологических, географических данных применительно в глобальной и локальной проекциях предполагает гуманитарное изучение и осмысление места и роли Севера в глобальном, страновом и региональном диапазонах. Север достоин амплуа не ресурсной окраины, а пространства развития. Северность России — не только географический факт, но и огромный полигон возможностей, от ресурсных и геополитических до инновационно-технологических и этнокультурных. Она способна

утвердить свои приоритеты в северной стратегии, опираясь на исторические (начиная с ключевой роли ладожско-новгородского Севера в древности), геоэкономические (с учетом ресурсной мощи современного Российского Севера) и геополитические (ввиду пространственного господства России в высоких широтах) основания. Эта перспектива предполагает развитие ресурсов северных культур и становление северной идеологии (одной из национальных идей России) с опорой на впечатляющие сюжеты истории освоения Севера новгородцами, поморами, коми, ненцами, хантами, эвенками, чукчами, якутами и другими сообществами северной Евразии. В роли ключевой страны Севера Россия способна выступить инициатором ряда инновационных международных и межрегиональных проектов, направленных на развитие и эффективное взаимодействие северных культур, народов, регионов и государств.

Главное достояние Арктики — живая культура коренных народов, содержащая в себе ресурс как этнокультурного развития самих народов, так и всего Севера. Этим культурам свойственна высокая адаптивность к экологическим и социальным переменам, впечатляющая динамика устойчивости и изменчивости, традиций и новаций. Актуализация и активация этого наследия, в том числе средствами современных технологий, имеет фундаментально научное и прикладное значение. Изучение и применение потенциала северных (в том числе арктических) культур в их опытах адаптации и сочетаниях традиций и новаций.

Народы Севера, в прошлом называвшиеся «малыми», на самом деле представляют культуры больших пространств со свойственными им стратегиями высокой адаптивности и мобильности. Помимо них, Север издавна осваивали крупные народы индоевропейской, уральской и алтайской языковых семей (в том числе коми, русские, якуты). Сегодня реальной перспективой развития Севера представляется не деление населения на разные категории, а диалог и взаимодействие. Как показывает мировой опыт, наиболее эффективные модели позиционирования северных меньшинств основаны на структурировании региональной идентичности, сочетающей ценности северных меньшинств и новопоселенцев. При этом отмечаются встречные тенденции укоренения некоренных и расширения деятельностной сферы коренных северян. Соотношение «туземности» и «пришлости» в России имеет иной историко-антропологический контекст, чем во фронтальных американских моделях.